

УДК 82.091

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ РЕГИОНА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Родионов В. Г., Мышкина А. Ф.

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова», Чебоксары, Россия (428015, Чебоксары, пр-т Московский, 15), e-mail: alb2091@yandex.ru

Проведен анализ круга основных вопросов современной литературоведческой компаративистики. Выявлялись грани взаимовлияния фольклора и художественной литературы на разных этапах развития литературного творчества. Особое внимание уделено внутрилитературным (область поэтики, закономерности взаимоотношений литературы с устным поэтическим творчеством (фольклором), а также с другими видами национальных искусств) и внелитературным (социально-общественные, этнические и политические процессы) факторам. Литературоведческая компаративистика затрагивает и требует изучения таких проблем, как диалог культур, изменчивость содержания литературоведческих терминов, литературно-жанровая специфика двух и более соседних и родственных (неродственных) литератур и т.д. Сопоставление «своего» и «чужого» с позиции третьего лица (современного исследователя) выводит компаративиста на признание диалогичности и многомерности сознания. Художественное сознание в такой же степени диалогично, в какой степени диалогично общественное (национальное) сознание.

Ключевые слова: литература региона, внутрилитературные и внелитературные факторы, межлитературный диалог, диалог культур.

PROBLEMS OF STUDYING THE LITERATURES OF REGION PEOPLES AND COMPARATIVE LITERARY

Rodionov V. G., Myshkina A. F.

Chuvash State Ulyanov-University, Cheboksary, Russia (428015, Cheboksary, Moskovski Prospect 15), e-mail: alb2091@yandex.ru

A range of key issues of modern comparative literary is analyzed. Facets of interaction of folklore and fiction at different stages of literary work development are detected. Special attention is paid to intra-literary (area of poetics, regularities of relationships between literature and folklore and other kinds of national arts) and extra-literary (social, ethnic and political processes) factors. Comparative literary deals with and requires the study of such problems as dialogue of cultures, variability in the content of literary terms, literary and genre specificity of two and more neighboring and related (unrelated) literatures etc. Comparison of "his" and "other's" from a position of a third party (modern researcher) helps the comparativist to recognize the dialogic awareness and multidimensionality of consciousness. Artistic consciousness is as dialogic as public (national) consciousness is.

Key words: region literature, intra- and extra-literary factors, inter-literary dialogue, dialogue of cultures.

Для современной науки о литературе уже не актуален локальный анализ национальной словесности, а более приемлемо их изучение в единстве и многообразии региона. В подобном контексте главным инструментом исследователя становится литературоведческая компаративистика, которая способствует раскрытию глубинных особенностей художественного творчества и делает большой сдвиг от поисков взаимовлияний в сторону выявления уникальности и национально-исторического своеобразия соседствующих национальных культур. Данное положение затрагивает и русскоязычную литературу региона, которая полностью пронизана и дышит эстетическими особенностями (в плане стиля, жанра, проблематики) народов литератур региона.

Для исследователя национальной словесности важны внутрилитературные и внелитературные факторы, которые действуют в развитии литературы. К первым относятся

область поэтики и закономерности взаимоотношений литературы с устным поэтическим творчеством (фольклором), а также с другими видами национальных искусств. В состав внелитературных факторов следует включить социально-общественные, этнические и политические процессы. Весьма часто ускоренные факторы сложно переплетены, они тесно соприкасаются и взаимодействуют. Поэтому исследователь литературы должен проследить моменты перекрещивания факторов внелитературного порядка с чисто художественными факторами, а когда возможно, показать и органику их синтеза.

Как известно, свою целостность и автономность художественная литература обретает постепенно, по мере обогащения определенных традиций и прохождения ряда последовательных этапов становления. В частности, чувашская литература стала вполне автономной и имеющей свои собственные художественные традиции в начале XX в. Но в этой литературной системе оставались и активно функционировали некоторые жанры чувашского обрядово-театрализованного фольклора и народной прозы, которые в достаточной степени компенсировали отсутствие разнообразных жанров драматургии и театра, а также некоторых видов прозы. До начала XX в. чувашская литература была подчинена, прежде всего, просветительским целям, поэтому она действительно не имела своей автономии, точных ограничительных границ. Литература являлась многофункциональной, со строгой иерархией как фольклорных, так и литературных (религиозной и светской) жанров.

Проблема соотношения фольклора и литературы приводит нас к следующей мысли. Чувашский народ в своей основной массе с XV по XVIII в. был земледельческим и языческим. А фольклор, по утверждению Д. С. Лихачева, целиком удовлетворял эстетическим потребностям трудового народа в художественном слове, литература же охватывала только те области, которые превышали возможности устного народного творчества [5, с. 49]. Вся феодальная верхушка чувашского общества пользовалась старотатарской (мусульманской) письменностью и литературой, которые впоследствии не были унаследованы простыми чувашами из-за их конфессиональных различий. Поэтому чувашскую литературу следует начинать с XVIII в., когда она стала медленно зарождаться под благодатным воздействием идей европейского Просвещения. Наличие средневековой литературной традиции для татарской передовой интеллигенции создавало определенные проблемы (борьба со средневековыми традициями и мировоззрением). В этом плане для чувашских писателей путь к свободной личности был значительно короче и прямее, но в то же время и трагичнее (переориентация этноконфессионального сознания, обрядового быта).

Следующей внутрикультурной (имеется ввиду культура художественная) проблемой является рассмотрение литературного процесса в кругу искусств. В свое время М. М. Бахтин особо подчеркивал важность изучения литературного процесса в тесной связи с «глубоким

анализом культуры» [2]. «Литература и все виды других искусств управляются воздействием социальной действительности, находятся в тесной связи между собой и составляют в целом одну из наиболее показательных сторон развития культуры, – отмечает Д.С. Лихачев важность культурного контекста в истории литературы. – Вот почему при построении истории литературы показания других искусств помогают отделить значительное от незначительного, характерное от нехарактерного, закономерное от случайного» [5, с. 29].

Сопоставительное изучение литературы с другими искусствами не должно сводиться лишь к поиску аналогии и сходств. Не менее важным аспектом является выявление их различий и своеобразия. Очевидно, в определенные периоды внутри одной культуры они выполняли компенсаторные функции по принципу дополнительности. В чувашской литературе имеются жанры (романы, песни, драмы), в которых слово синтезировано с музыкой; общими для поэзии и изобразительного искусства являются национальная цветосимволика, язык образов, мировидение и т.д. Геометрическая зеркальность народной вышивки сопоставима с некоторыми особенностями поэтики художественной литературы (разного вида повторы, образный параллелизм в поэзии, цикличность и др.). К особому феномену следует отнести следующий уникальный факт: ряд писателей владел даром либо художника (К. Иванов, М. Сеспель), либо композитора и музыканта (Ф. Павлов, П. Осипов). При анализе литературных произведений этих писателей весьма желательным сопоставлением их творений в различных видах искусств. Синтетизм искусств, их тяготение друг к другу в истории возникало неслучайно, и оно всегда имело определенные причины. В русской литературе его связывают с периодами «национального духовного подъема и с такими творческими методами, как романтизм и неоромантизм» [4]. Три классика чувашской литературы – К. Иванов, Ф. Павлов и М. Сеспель – жили и творили в период национального возрождения чувашского народа, а в их произведениях – немало характерных сторон романтизма как литературного течения (не путать с направлением, имеющим эпохальную значимость и долгую продолжительность функционирования).

Таким образом, обнаружилась и требует своего решения проблема изменчивости содержания литературоведческих терминов. По убеждению Вл. А. Лукова, комплексный подход к изучению литературного процесса осуществляет так называемый «историко-теоретический подход», опирающийся, с одной стороны, на теоретические выкладки, а с другой стороны, на необходимость внесения в теорию исторического момента. Главной особенностью данного подхода считается признание того факта, что на разных этапах и в различных исторических условиях одни и те же понятия могли менять свое содержание. Применяя известную терминологию к подобным явлениям, историк литературы обязан корректировать содержание используемых им терминов с учетом исторического момента [6]. Очевидно, не просто

исторического, а национально-исторического момента, ибо литературы разнотипны и все имеют свое национальное своеобразие.

Хотелось бы не согласиться с Вл. А. Луковым и по поводу его принижения возможностей типологического подхода к литературным процессам, в особенности по отношению к однотипным словесным культурам. Если исследователь умело корректирует содержание используемых им литературных терминов, то обнаруженные типологические аналогии и сходства могут быть полностью результативными в плане их объективности. Для изучения чувашской литературы начала XX в. весьма полезны знания аналогичного процесса в татарской культуре того же периода. Так, необходимость непримиримой борьбы со средневековыми устоями в культуре и религии вынудила основную часть татарских писателей стать публицистами и сатириками, активно развивать комическое начало в литературе, жанры комедии, памфлета, фельетона. Неслучайно в те годы в татарском мире функционировало несколько сатирических журналов, редактором одного из них до самой смерти был великий и гениальный Г. Тукай. У чувашских писателей начала XX в. были несколько иные задачи: борьба с национальным нигилизмом, традиционным консерватизмом старшего поколения, в том числе и с религиозным просветительством второй половины XIX в. и др.

Вышеназванные внутринациональные задачи определяют литературно-жанровую специфику двух соседних и родственных народов. Следовательно, типологическое изучение нескольких синхронных литератур внутри одного региона позволяет обнаруживать не только сходства, но и определенные различия. Фундамент истории национальной литературы создается прежде всего из фактов и явлений, которые имеют внутриэтнический характер и национальную иерархию ценностей. Выход на другие литературы региона и определение их схожестей и несхожестей позволяет литературоведу совершенно по-новому, со стороны увидеть исследуемый объект и полнее определить его специфику, своеобразие и самобытность. Все это говорит о том, что возможности типологических сравнений далеко не исчерпаны, в них прежде всего нуждаются литературоведы, изучающие литературы «ускоренного» развития без прохождения последовательных стадий «классических» литератур. Типологический метод позволяет изучить как внутрилiterатурные явления, так и внелитературные факторы развития. Подлинная аналитичность в литературных сравнениях прежде всего предполагает типологический поиск. Художественный образ всегда зиждется на сравнении, и потому всякий литературный анализ по своему компаративен [3].

К основному внелитературному фактору развития следует отнести социально-политическую жизнь общества, которой в конечном итоге принадлежит решающая роль. Вне контекста общественно-политической жизни народа и страны, без истории общественного сознания со всеми его разновидностями немислимо серьезное изучение литературного процесса. Как точно

подметил К. К. Султанов, история литературы в определенном смысле есть и «история кристаллизации национальной идеи» [8]. Следует выделить и такую компаративистическую проблему, как диалогические отношения между национальными литературами. Полностью этой проблеме посвящена монография В. Р. Аминовой [1].

Совершенно справедливо отмечает казанский ученый, что типы диалогических отношений между национальными литературами до настоящего времени не являлись предметом отдельного научного исследования как в тюркологии, так и во всей отечественной литературоведческой компаративистике. При этом исследователь объясняет концепцию диалога «как отношений «Я» к «Ты», т.е. межсубъектных отношений «в их предельной выраженности». Эти диалогические отношения, по убеждению В. Р. Аминовой, принципиально отличаются от других, ставших традиционными и в определенной степени достигших до своих возможностей типологических и «контактных» подходов. Изучение межлитературного диалога позволяет компаративисту выйти за пределы вышеназванных методов и обратиться к совершенно иному способу осмысления межлитературного процесса, опирающемуся на логику дистанцирования, принципы аналогии, не исключающей оппозиции, трансфинитности.

Сопоставление «своего» и «чужого» с позиции третьего лица (современного исследователя) выводит компаративиста на признание диалогичности и многомерности сознания. Собственное (индивидуальное, социально-групповое, этническое) сознание никогда не формировалось бы без выделения субъекта из общей, включающей туда и данный субъект, среды. Художественное сознание в такой же степени диалогично, в какой степени диалогично общественное (национальное) сознание. Поэтому с позиции современного исследователя, выполняющего функцию третьего лица, литературно-художественные системы многих народов находятся между собой в диалогических отношениях разной степени приближенности.

Следующее принципиальное положение: типология имеет дело с динамическими процессами, поэтому исследователь ищет в литературах не совпадения, сходства и параллели, но прежде всего типологически обусловленные соотношения, в которых сходства как бы «сдвинуты». Именно в подобных сдвигах, несовпадениях и расхождениях конкретно отражается самый художественный процесс в его типологической общности и в его живом историческом многообразии. Типология создает общую картину для дальнейшего выявления уникального и своеобразного. Обе последовательные стадии понимания двух и более литератур как автономных субъектов находятся в компетенции историко-типологической теории.

На наш взгляд, установить степень родства и близости двух или нескольких народов не очень-то просто, иногда и невозможно. Если взять чувашскую традиционную культуру, то она в равной степени близка как к марийской и удмуртской, так и к татарской и башкирской. По религии чуваша православные, а по языку родственны с мусульманскими народами Урало-

Поволжья. Да и запретить компаративисту заниматься выявлением национально-своеобразного на фоне межнационально-общего никто не может. Ведь это следующий, необходимый этап углубления научного познания, ибо особенное не определяется без общего. Предметом сравнительного изучения литератур, по утверждению ряда исследователей, является прослеживание «общего и особенного в их историческом развитии» (Л. В. Чернец).

Современное сравнительное литературоведение Урало-Поволжья имеет свою историю становления и развития. В настоящее время оно не ограничивается лишь выявлением историко-генетических связей, влияний и заимствований, а пытается определить национальную идентичность литературы и шире – культуры; прослеживает механизмы их вхождения в более общие межлитературные и межкультурные сообщества; стремится к различным антропоцентричным контекстам. В условиях глобализации и унификации культур в современном мире оно помогает находить свою нишу как отдельному этносу, так и определенной группе этносов в целом, какой является Урало-Поволжье, имеющей свое своеобразие в контексте всего Евразийского пространства.

Современная модель восприятия, скажем, творчества Г. Тукая не идентична той, которая была присуща его современникам. «40-е годы XIX в. нередко воспринимаются, – отмечает Ю. И. Минералов, – как своего рода «десятилетие прозаиков». [7]. Однако осмысление особой роли поэтов, творивших в эту эпоху (Н. А. Некрасов, А. А. Фет, А. П. Майков, Я. П. Полонский и др.) со временем привело исследователей к другим убеждениям: в эти годы происходит процесс сближения «поэзии с прозой», появляется феномен, который можно характеризовать «повествовательной поэзией» [7, с.7]. Показателен другой пример: современники чувашского поэта и прозаика И. Тхти (да, собственно, и критики ряда последующих десятилетий) воспринимали его поиски однобоко, с платформы узко-идеологических представлений об истории общества. Учет утраченных в бытность культурных реалий, ментальности чувашской бытовой речи, образно-поэтических традиций устного рассказа, особого строя повествования, вырастающего из недр шуток, анекдотов, народных новелл, позволяют сделать и другие выводы. Неслучайно поэтому, что Тхти известен как замечательный мастер профанированно-стилизованного, пародийного, иронико-философского рассказа, как создатель подтекстного, монтажного слова.

Словом, рецептивная модель восприятия художественного произведения произрастает как раз из тех современных требований, которые и вызвали к жизни иные, чем прежде, методологические принципы. Это свидетельствует о том, какие культурно-философские пласты участвуют в создании не только творческого мира отдельного мастера слова, не только совокупного мира отдельно взятой национальной литературы, но и служит «индикатором» региональной художественности словесной культуры. Действительно, определенное участие как бы многословно-плеонастичных устных рассказов, вырастающих из анекдотов, быличек, притч,

магического или же религиозно-гомилетического строя высказывания в формировании малых эпических жанров наблюдаем в коми, удмуртской, марийской, чувашской и других литературах.

Обобщая все наши изыскания, выделим следующие основные факторы, влияющие на развитие литературоведческой компаративистики Урало-Поволжья:

1. Литературная компаративистика востребована создателями теоретической истории литературы (Д. С. Лихачевым). В ней персонализация процесса доведена до минимума, преимущественно исследуются характер и движущие силы литературной динамики сравнительно с движением других литератур.

2. Традиционное сравнительное литературоведение частично скомпрометировало себя чрезмерным увлечением поисков генетических и контактных аналогий и сходств. Его авторитет был восстановлен с успешной разработкой советскими учеными гуманитарного профиля нового, типологического подхода.

3. Контактные, генетические и типологические явления по отношению друг к другу не взаимоисключаемы, они очень часто пересекаются, а многие аналогии в них вызваны однопорядковыми историческими закономерностями и обстоятельствами. Но историко-типологические связи, в отличие от остальных, всегда универсальны и постоянны, по отношению к другим связям они являются определяющими. Данная особенность хорошо иллюстрируется многовековой историей функционирования словесных культур народов Поволжья.

4. Литература, как и фольклор, всегда исторична и внутренне диалектична, в ней отражены определенные ступени и моменты исторического развития, которые могут быть общими (схожими и несхожими) для целого ряда однотипных словесных искусств. В выявлении подобных историко-типологических аналогий и неаналогий остро нуждаются авторы общерегиональных историй литератур, в том числе и Урало-Поволжья. Но при этом не следует чрезмерно увлекаться как поиском поверхностно сходных параллелей, так и ограничиваться одним лишь сопоставлением (объяснением различий) вне исторического и национально-творческого контекста.

5. Фундамент истории национальной литературы создается прежде всего из фактов и явлений, которые имеют внутриэтнический характер и национальную иерархию ценностей. Выход на другие литературы региона и определение их схожестей и несхожестей позволяет литературоведу совершенно по-новому, со стороны увидеть исследуемый объект и полнее определить его специфику, своеобразие и самобытность. Такая история литературы будет представлять из себя как органическую часть сообщества более высокого порядка, она будет вписана в историю мировой литературы со своей национальной самобытностью.

Список литературы

1. Аминова В. Р. Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.). – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 476 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
3. Большакова А. Ю. [Статья] // Проблемы современного сравнительного литературоведения: [сборник статей] / РАН, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 95 с.
4. Корецкая И. В. Литература в кругу искусств // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. – М.: Наследие, 2001. – С. 131-190.
5. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X – XVII веков. – СПб.: Наука, 1999. – 206 с.
6. Луков Вл. А. Концепция теоретической истории литературы Д. С. Лихачева // URL: <http://www.zpujournal.ru/e-zpu/2008/5/likachev/#>. (дата обращения: 01.02.2010).
7. Минералов Ю. И. История русской литературы XIX века (40-60-е годы). – М.: Высш. шк., 2003. – 301 с.
8. Султанов К. К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. – 195 с.

Рецензенты:

Федоров Г. И., доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии и межкультурной коммуникации, ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары.

Кудрявцева Р. А., доктор филологических наук, доцент, директор института финно-угроведения, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола.